

СИМВОЛИЧЕСКОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: СЦЕНОГРАФИЯ МИРА

© В. В. Ильин

*Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
Россия, 105005 г. Москва, ул. 2-я Бауманская, 5, стр. 1.
Тел.: +7 (499) 263 63 91.
E-mail: vvilin@yandex.ru*

Автор обращает внимание на гносеологически недостаточно изученное явление мыслительного автоморфизма. В широко известных работах Ф. Варелы и У. Матураны автоморфизм связан в основном с исследованием адаптации биологических организмов. Представляется, однако, что возможности этого подхода более существенны. Автор считает, что движущая сила мыслительной деятельности – это конструктивное комбинирование. Когнитивный морфогенез осуществляется как свободное сочетание символических форм, управляемое правилами мысленного экспериментирования над собственными ресурсами, результатом чего является развитие духовного мира личности. Рычагом оказывается логика «порождение смыслов через различение смыслов», запускающая автономные автокаталитические процессы. Такое духовное автомоделирование порождает символические морфизмы – то, что именуется рисованием «воздушных замков», возведением построек без фундаментов. Автор приходит к выводу, что в научном познании, как в поэзии, на основе механизма автомоделирования, фактически приводится в действие весь арсенал возможностей ассоциативного сознания, играющего роль индикатора формообразования. При этом применяются инструменты внутренних семантических преобразований, нацеленных на параморфную экспозицию действительности.

Ключевые слова: *гносеология, мыслительный автоморфизм, У. Варела, Ф. Матурана, конструктивное комбинирование, когнитивный морфогенез, духовный мир личности, порождение смыслов, различение смыслов, символические морфизмы, механизм автомоделирования, параморфная экспозиция действительности.*

В проективном азарте мощным броском продуктивности разум перекрывает наличное бытие – данные силы, границы, правила, цели, установления. В наличной реальности разум движется по готовым функциональным полям, пользуясь принятыми символическими тактиками, утвержденными ими планами предметных сред, способами их освоения. Во всякий конкретный момент самореализации разум действует не по произвольным безответственно-раскованным (раскручиваемым «фантазией») техникам овладения миром, а по актуализированным фациями формообразующим предписаниям.

Речь, стало быть, идет о специфических типах самозаконности духовного творчества, утилизирующего программы символического структурооформления разрядов сущего. Рефлексия символических аспектов онтологии наводит на необходимость уяснения приемов формообразования предметности с консолидированными с ними умственными действиями. Упирая на символическое формообразование, мы упираем на социокультурный канон. Как говорит Лосев, канон задает пропорции (в нашем прочтении: ментальные), пропорции связаны со стилем («большим стилем» – Вяч. Иванов), стиль – с мировоззрением, мировоззрение – с устоями культуры [1], устои культуры – со сценографией мира.

Для одних фаций мир – достойное поклонения творение божие (Тертуллиан: «В любознательности нам нет нужды после Христа, а в поисках истины – после Евангелия» [2]). Для других – объект испытания (Бэкон, Декарт: мир – мастерская с человеком хозяином-распорядителем в ней, – предмет *Ars magna*). Для одних мир – скопище реальных тел (Аристотель), для других –местилище материальных точек (Галилей, Ньютон). Для одних мир квалитативен (антично-средневековая космофизия), для других – квантитативен (Новое время). Для одних мир – приложение усилий Ното думающего, для других Ното распоряжающегося (декартовское «стать господами и владетелями природы»). Для одних мир – воплощение Бога (средневековье), для других – разума (Просвещение). Для одних мировые процессы элементарны, обратимы (классика), для других мировые процессы – неэлементарны, необратимы (неклассика). Во избежание *regressus in infinitum* прервем верификацию мысли.

Формообразующая способность фаций – общее место символической стадии мысли, канализирующей усилия разума, предоставляющей ему возможность плыть, пользуясь лотциями. Недоверие лотциям, замороженность чувством «новых берегов» навлекает тотальную критику символического способа мироописания. Подобные настроения в профессиональной среде обострял Хайдеггер. Человек символический, натужно витийствовал он, «становится тем сущим, на котором все сущее основывает собственное бытие и вид своей истины» [3]. С гносеологической точки зрения критика Хайдеггера – серьезный просчет. Ното *symbolicum*, отлично представляющий, что знание есть комбинация *SR* (*status rerum* – положение дел (лат.)) и *SF* (символические формы), не жертвуя *SR*, не становится сущим в своем символическом упоении, – не основывает бытие и его истину на «своем» сущем.

Между тем, если относиться к вопросу серьезно – без избыточного, ничем не оправданного псевдокритического запала, то сущее в знании как символически данное «нам», действительно поставлено символически представляющим и устанавливающим его человеком. А как иначе?! Иначе – не символическое, но предметное мышление, погруженное в действительную ситуацию. Иначе – первосигнальное взаимодействие без разрыва сцепки «символ – вещь» в манипулятивном (нементальном) освоении сущего.

На фазу психической эволюции, с каковой в мышлении начинается крупный символический перелом, обращал внимание Сеченов, указывающий: «Ребенок думал, думал чувственными конкретными, и вдруг объектами мысли являются у него не копии с действительности, а какие-то отголоски ее, сначала очень близкие к реальному порядку вещей, но мало-помалу удаляющиеся от своих источников настолько, что с виду обрывается всякая связь между знаком или символом и его чувственным корнем» [4].

Обрыв знака, символа с его чувственным корнем означает самодостаточное (в пределах *SR*) символическое моделирование (тематизация, версификация) действительности. В античности – средневековье культивировалась одна картина мира, в Новое время – иная. Человек символический, начинаясь там, где кончается человек природный, заявляет себя не упрямо инертным, а выразительно многообразным образом. При этом чувство требуемых, подлинных пропорций, уверенных интонаций в отсутствии готовых смыслопородительных, смыслоразличительных функциональных блоков, эвристических форм возникает не сразу.

Можно набивать себе шишки вследствие «гравитации», но не уметь это символически (ментально) выразить. Как явление обыденно-практического опыта гравитация была всегда. Как явление опыта научного (символического) она возникла с формированием нового временного естествознания (ср. с левитацией, которую с позиций текущей символической

культуры не допускают в границы никакого опыта). В свете сказанного удивительно неполноценны надуманные резинъяции вида: «если физика решительно оформляется в математическую, то это означает, что благодаря ей и для нее нечто недвусмысленным образом условлено принимать как заранее «уже известное» [5]. Что из того?

Во-первых, для фации мир таков, каким она его поставляет. Во-вторых, с позиций нововременной фации нечто, т.е. сущее, действительно недвусмысленным образом условлено (символически!), принимается как «заранее уже известное». «Заранее известное» – под видом «механического» поставлено в условленной сценографии универсума, где обозначенная «условленность» «распространяется не более и не менее как на проект того, чем впредь надлежит быть природе перед искомым познанием природы: замкнутой в себе системой движущихся ориентированных в пространстве и времени точечных масс» [5]. Последующая фация вырабатывает иную сценографию (ср.: Картан ввел в оборот «торсионное поле», однако наша фация не ввела его в свою сценографию; с торсионными представлениями, по крайней мере, в России борются). Динамика фокусировок (семантической интервальности) на «реальном теле» (античная – средневековая механика) – «материальной точке» (классическая механика) – «точке-событии» (релятивистская механика) точно передает характер мыслительного прогресса в реализовавшихся до сего времени символических фациях. С чем тут спорить?

Называть культурно-символические сценографии природы расцветом «субъективизма и индивидуализма» (Хайдеггер), по меньшей мере, бессмысленно. Человек символический, с указанной Сеченовым фазы, поступает только так: строит сценографии, символические сценарии, картины сущего, и объективирует их в пределах разрешающих возможностей (предпосылочных потенциалов) фаций. Испытывать идиосинкразию по данному поводу не пристало. Пристало вдумываться, как отрабатываются сценографии, и в чем пружина их динамики в фациях.

Лишь одно в тенденции обнаруживает правоту озабоченности Хайдеггера: сценографии мира не могут выстраиваться как самодовлеющие. Если способы представления, восприятия, переживания, осмысления действительности внедряются в качестве самоцели, доходят до «самоуправства», выставляют «издевающиеся над действительностью утверждения» [6], утрачивают роль обслуживающего средства, – они превращаются в деформирующий акцент, символическое обеднение ищущего сознания. Таковы, к слову, многочисленные механические тематизации эфира как объективируемой фиктивной «особой среды» – символические конструкции (Стокса, Планка, Френеля, Мак-Куллоха, Кельвина, Гретца, Лоренца), окончательно дискредитировавшие фацию классической механики.

Par occasion: всякая заново завоевываемая ступень должна быть символическим усложнением сознания, – таким усложнением, чтобы представимая натура (SR) в нем не выглядела безнадежной химерой.

Активируем основополагающее для нас понятие «фация» с его способностью гносеологически отображать социальную природу познания (знания).

Классическая гносеология последовательно избегает темы «социальность» безоглядным принятием презумптивного платонизма. Допущение трансцендентальных эйдетических пространств, царств, миров, сосредоточений «истины в себе» (Больцано), «объективного содержания мысли» (Фреге), позволяя развертывать интригующую доктрину, фатально заражает рассуждения щекотливой и, в конце концов, мистической бациллой «самой по себе» истины, истины «вне познающего субъекта», истины «не как принадлежности знания».

Подобно воздушному шару, вырывающемуся из пут гравитации, методологический платонизм вырывается из тенет здравого смысла.

Неклассическая гносеология в лице конвенционализма, прагматизма, инструментализма, операционализма, толкуя социальность как контекстуальную работоспособность, грешит произволом (сущностная проблематизация работоспособной в локусе «научение» тетраэдрической композиции углеводов).

Очевидность, бороться с которой отваживается лишь философ, состоит в том, что знание, истина – субъективны, – порождены, созданы, сотворены человеком, но будучи креатурами, не являются произвольно-конвенциональными (с чем, собственно, потенциально борется трансцендентализм).

Лишить ученого надуманных ролевых функций позволяет эпистемологический конструктивизм, несущий параметры символического порядка. Символическая конструктивность раскрепощает свободу (эмерджентная автокаталитическая продуктивность), связывает произвол (архитектонические требования формо-содержания) [7, с. 237–248]: акты символического творения знания свободны, т.е., разумеется, «произвольны», но не конвенциональны, – мы творим то, что не является предметом соглашения; конвенциональность всегда произвольна, но произвольность не всегда конвенциональна. Ситуация ножниц «произвольного» (свободного) и «конвенционального» – наша ситуация; это ситуация конструктивной символической свободы, проявляемой в рамках фации.

Условия фации:

– предметны: в смысле определенности SR, выражаемой SF, – гипотезами существование, онтологическими допущениями, трактовками кванторных выражений, атрибутированием, таксономированием;

– социальны: не в смысле детерминированности общественной жизнью, как у Гране: хроногеометрия китайцев вытекает из уклада их деревенской жизни [8]; Бугле: логические категории – дериваты социальных категорий, всего гражданского строя социума [9]; Шпейера: идея промотивности познания, фундированного мотивностью; Шелера: идея «тотальной ситуации» персонального встраивания в общественные связи; – а в смысле явственности SF – объективности мыслительных форм [10, с. 85], которые в виде суммы символического капитала мы застаем как нечто данное и которые проявляют себя как реальная основа мыследеятельности [10, с. 37].

Экстенсивно фация – любое дробное ментальное образование неглобального масштаба. Интенсивно фация – архетипическое образование, в какое в отличие от Юнга [11] мы вкладываем соображение содержательное: фация есть форма с содержанием, представляющая некую возможность (отсюда – конструктивная посессивность) определенного представления, умственного действия. В качестве формо-содержательного ареала (интервала) фация может быть уточнена как «постоянное ядро значения» в смысле семантической детерминации процедур категоризации, тематизации, версификации.

Если в базовой схеме знания принимается принцип $c = \text{const}$ с вытекающим из него нестрогим неравенством осмысленности (в релятивистском понимании) физического взаимодействия $dl^2 \leq (cdt)^2$, то принадлежность любого высказывания к физике (в нашем хронотопе) определяется входящим в «постоянное ядро значения» близкодействием. Высказывания вида $v > c$ (фундируемые далекодействием) объявляются физически неосмысленными (конечно, до возможного обнаружения тахиона).

Символически оформленный онтологический сценарий задает горизонт эксплуатации тезауруса (естественнонаучно то, что отвечает релятивистскому критерию взаимодействия во времениподобном интервале), оконтуривает научно ценную эвристику, вводит критериологию пользования языком, налаживает «понимание». (Лаплас скорее всего не понял бы Бора. Как Бора в чем-то не понял Эйнштейн: принципиально неудовлетворительным в борвской теории (квантовой механике) «является ее отношение к тому, что я считаю высшей целью всей физики: полному описанию реального состояния произвольной системы... независимо от акта наблюдения или существования наблюдателя» [12, с. 296]).

Специфическое замыкание фаций в собственных ментальных технологиях детализируется понятиями «комплекс фиксированных мыследействий» (КФМ) и «фокус символической активации» (ФСА), несущими идею нормирования, нормосообразования, регуляризации мыследеятельности.

Задача КФМ – легализовать стереотипные умственные движения, ответственные за складывание стандартных образно-смысловых последовательностей, облигатных картин происходящего под углом зрения суммирующих влияний «постоянных ядер значения», культурных полей.

Они могут реализовываться

– локально: принятие крупномасштабной изотропии Вселенной с фации классической науки;

– регионально: продиктованные логикой разработки аристотелевского гилеморфизма лексические фигуры-образы «энтелехия», «энергия», «потенция», «сила» кочуют из эпохи в эпоху, из практически-духовного в духовное производство.

Если в квантитативной плоскости естественник-природовед способен предметно высказаться о «силах» (формульные выражения законов Ньютона, Кулона, Ома, Вебера – Фехнера, диаграммы Максвелла – Кремоны и т.д.), то в интерпретативной плоскости он утрачивает все предметные способности, сбиваясь на невнятное «производить действие», «возможность активно действовать». Дело приобретает вовсе скверный оборот в случае «энергии», где устоять на собственных ногах естественнику позволяют (пока!) только (!) «формулы» (уравнения Эйнштейна, Аррениуса и т.д.), что же до «мысли», то – либо содержательная темнота – «общая количественная мера форм движения материи» – эвфемистический троп; либо содержательная пустота – неясность причин нелокализуемости.

Компетенции ФСА – семантически центрировать сознание, концентрироваться на значимостях, интернализировать санкционированные фациями образно-смысловые установления, поставления. Восток не там, где восходит Солнце, а там, где оно должно (!) (согласно принятому в нашей геообстановке природознанию) восходить [13, с. 73]. Регулятивный характер ФСА проявляется через:

– дискриминацию – отсекание «неправомерных» тенденций;

– ассимиляцию – присвоение образцов посредством подкрепления, укоренения, введения избирательных (лояльность – ужесточение) критериев поощрения, институционализации трактовок, варьирования степеней конформности, фильтрации идей.

Речь идет о культивации стиля и стилизации мыследеятельности в широчайшем диапазоне от обструкции до инициации.

Ментальная обструкция:

– тривиальное купирование, изничтожение источников, фрагментов наследия. «Знакомься с деятельностью св. Григория и других руководителей христианства, – отмечает Макиавелли, – мы поражаемся той жестокости, с которой они уничтожали труды поэтов и историков, которые напоминали о прежних временах... искореняли все, что носило отпечаток древности» [14. с. 224]. Деформация наследия применительно к мыследеятельности означает разрушение культурных кодов, прерыв постепенности, насаждение новых традиций, являющихся «могучей силой» (Энгельс). В нашем случае в качестве паушального эффекта – развал институционализированной матрицы каузального мировидения, имплантация дремучей церковной догмы: «По мере усиления христианского учения все больше исчезает тяготение к причинному объяснению вещей. Чудо объясняет все...» [15];

– подрыв одного из капитальных начал научности – критицизма, навязывание апологетических когний: «власти неоднократно искали в новой версии прошлого легитимации своих начинаний. Новая версия истории должна была воспитывать общество в духе восхищения перед властью и одобрения ее действий, а совершенство правителей должна была доказывать усовершенствованная версия истории» [16];

– пристрастное интерпретирование: коренящиеся в ценностных диспозициях фона личности многообразные фобии (Виета, Даламбер, Клеро не признавали отрицательные величины; Фарадей – атомизм; Лоренц – релятивизм);

– дискредитация ареалов знания: «выбраковка» статистических законов; сопротивление «включения» в теорию метода получения утверждений; борьба за внеконтекстуальность «наблюдателя».

Ментальная инициация:

– символическая онтологизация (вездесущий «принцип свертывания»): приписывание существования воображаемому – алхимическая модель трансмутации с антропоморфными проекциями «corpus», «anima», «spiritus»;

– версификация: интерес символических форм состоит в искусстве создавать символические формы. Как отмечал Ж.-П. Рихтер: «Мы копим мысли, как скупцы копят деньги, и только впоследствии размениваем деньги на удовольствия, а мысли на наблюдения и чувства» [17, с. 32]. Прекрасный пример продуктивной пролиферации мысли – варьирование идейных сценариев Единой теории поля (ЕТП) как просматриваемых возможностей (неизбежная посессивность) – эйнштейновские модели «абсолютного» параллелизма (1929 г.); пятимерных пространств (с Майером – 1931 г.); несимметричных метрических тензоров (со Страусом – 1946 г.) и т.п;

– эвристическая традиция с модельным переносом: после применения неевклидовой геометрии в теории гравитации – ставка на геометризацию электромагнитной теории. Геометрическая реконструкция последней, позволяя рассмотреть обе теории (теорию гравитации и электромагнетизм) в качестве естественных следствий унитарной логической основы, приближает к оформлению ЕТП;

– унификация: консолидация выразительных пластов теоретизирования – вывод Эйнштейном уравнений движения как дериватов уравнений поля; утрата статуса «независимого» элемента рассуждения (уравнениями движения) гармонизировала концептуализацию;

– экстраполяция: выстраивание сценариев потенциального знания. В настоящем не ясно, вокруг каких конкретно программных идей (геометризация, симметрия, квантовые поля в пространстве Минковского и т.д.) сложится ЕТП, между тем превентивно акцентируются

соображения: простота, ковариантность, геометризм, квантовость, перестановки, симметрия, причинность, соответствие. В перспективном плане задается канва отработки будущей теории, принципиально ориентированная на соблюдение символического сценария: пафос «простоты» – «не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые... достаточны для объяснения явлений»; «природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей» [18]; пафос регулятивов – «перенос», «симметрия», «ковариантность» и т.п. – соблюдение «объективности рассмотрения», поддержание инвариантности содержательных аспектов рассуждений с обеспечением:

а) постоянство опытов при постоянстве условий: не «здесь – теперь», но «всегда – везде»; в) стабильность исследования вещей – «фундаментальные законы физики, управляющие атомами и молекулами, обратимы во времени» [19, с. 242]; с) сохраняемость параметров – перемещениям в пространстве соответствует сохранение импульса; перемещениям во времени – сохранение энергии, повороту на фиксированный угол – сохранение момента количества движения; изменению квантовомеханической фазы – сохранение энергии заряда; d) «зеркальности» для неорганики (отсутствие «абсолютного» различия «правого» и «левого»); в органике – «киральная чистота» живого, исходно нарушающая симметрию правого и левого;

– оптимизация структуры рассуждения: знаменитая шестая проблема Гильберта о математическом изложении аксиом физики стимулировала аксиоматизацию механики (Гамель, Марколлонго), термодинамики (Каратеодори), квантовой механики (фон Нейман, Биркгоф);

– сбалансирование теории и эмпирии в мыслительном конструировании реальности: необходимость соответствия V_T (теоретического базиса) V_E (эмпирическому базису) – закон эпистемологии, воплощение которого в перепетиях исканий зачастую квалифицируют чудом [20]. Интенция на сбалансирование V_T – V_E , являясь императивной, будирует концепционную деятельность в направлении ревизии самых фундаментальных основополагающих схем. Такова обстановка вокруг затруднений «интерпретировать посредством неоднородной Вселенной результаты многочисленных экспериментов, произведенных в предположении ее однородности» [21], – так называемая картанова проблема. Суть в том, что предпосылочное допущение о пространственной однородности нашего универсума на больших интервалах (без чего невозможно задать символического сценария современного знания) не стыкуется с опытно установленными (в рамках ОТО) свидетельствами его неоднородности на малых интервалах. Стремление снять напряжение интенсифицирует опробование новых фундаментальных допущений (символических ходов) о характере нашего бытия, стимулирует отработку когнитивных альтернатив (скалярно-тензорная теория Бранса – Дикке);

– детализация мыслительных фокусировок: закон тяготения не чувствителен к временному параметру; интерес вызывает возможность (опять-таки посессивность!) привнесения в гравитационную модель временной координаты (близкодействие);

– диверсификация: выстраивание потенциальных когитальных миров через снятие запретов, – запрет на введение скрытых параметров в квантовомеханические описания и попытка Гаддера перекрыть его;

– объективация, эссенциализация: наделение предметным статусом неизвестных (гипотетических) сущностей – навеянная решением неординарной задачи дискредитировать аристотелевский качественный (неоднородно – неизотропный) универсум (с изначальной диалектикой стихий, векторизацией перемещений) на фоне снятия проблемного «почему тела падают?», – реификация, материализация «тяготения»;

– экзистенциализация: введение существования по закону логического основания (ввиду отсутствия противоречия), – Лейбниц толкует бесконечно малое под эгидой не действительно (реально), а логически (виртуально) существующего. Приписывание существования по логическому основанию предполагает формулировку свойства, что, в свою очередь, санкционирует задание множества объектов определенного сорта (обладающих фиксированным свойством) [22];

– денотация: приписывание значения. Авторство определяется выработкой не формы, но предметного содержания идеи. В представительном ряду «соавторов» релятивистской механики прославленные имена Ремера, Юнга, Френеля, Араго, Физо, Фуко, Доплера, Максвелла, Герца, Майкельсона, Томсона, Пуанкаре, Стокса, Лармора, Лоренца. Между тем единственный автор СТО – Эйнштейн. Это потому, что до него «работали расплывчатыми понятиями, укоренившимися навыками, основанными не на логически ясных и определенных утверждениях, а на смутных чувствах», – чему Эйнштейн «противопоставляет логически завершенную, до конца ясную и замкнутую систему» [23, с. 165]. Даже непосредственный предтеча Эйнштейна Лоренц не наделял собственные преобразования физическим значением, видя в них лишь «формальный математический прием»;

– диффузия: заинтересованное рекрутирование в размышляющую мысль любых и всяких семантических единиц культуры. Как предельный информационно-смысловый резервуар – запасник-заказник идей – культура оказывает на науку осмотическое давление. Для культуры нет предметов вне системы значений. Другое дело, что значения эти зачастую не вписываются в рамки научного подхода. (Лишенная значений предметность, имея начало и конец в самой себе [24, с. 402], онтологически корреспондирует «так приходящему бытию» со специфическим модусом тождества «ни то, ни это». Последнее представляет питательную среду эзотерических (йогинских) техник, но не науки). Наука соотносится с культурой самым беззастенчивым, дерзко-бесстыдным образом: беспардонно заимствует выразимое в ее тематическом языке, оставляя без внимания для ее языка постороннее, – наука может объяснить законы движения (недолго сумняшеся включая в свою орбиту культурные фигуры-образы «активность», «действие», «потенция», «энергия», «сила»), но объяснение начальных условий – вне ее пределов [25, с. 50] – в пределах культуры (деизм);

– семантизация: интенсивная интерпретация осмысливаемого содержания. Функционально траектории смыслов подвижны, но располагаются в границах фаций, обуславливающих эвристическую векторизацию на основе цельного содержательно-методического оснащения. По выражению Гёте, содержание без метода ведет к фантазерству, метод без содержания – к пустому умствованию. Генеалогически ментальные процессы – не будучи «просто моторными навыками гортани» (бихевиористская вульгаризация Уотсона) – опосредствуются многослойной гносеологической операцией апперцепции:

а) логика языка [26];

в) персональный опыт: «мое представление о Гренландии, – откровенничает Гуссерль, – другое, чем у Нансена»;

с) групповой опыт: люди воспринимают реальность скорее посредством образов-образцов, нежели с помощью чувств. То же восприятие цвета фундировано цветовой концептуализацией (классификацией). В примитивных обществах, демонстрирует В. Теркер, цвета белый, красный, черный являются «не просто различиями в зрительном восприятии разных частей спектра», но выступают «сокращенными или концентрированными обозначениями

больших областей психофизического опыта» [27, с. 80]. (Классификация цвета опирается на истолкование вовлеченной в опыт действительности: белое – молоко, семя, кровнородственные связи; красное – добыча, конфликты – отношения добытчика, защитника; черное – стихия природы, физиологические отправления – единство общины). Естественно, метафизика цвета утрируется позднейшим культурным развитием [7];

d) общечеловеческий опыт: универсализация выразительных, смыслопородительных, интерпретативных ресурсов в формализации, математизации, логизации, компьютеризации, научной категоризации, таксономизации;

e) фокусировка: скоррелированные с фациями углы зрения на реальность как объект перцептивного и апперцептивного представления и освоения (в объемной типологии знания – античная, средневековая, нововременная (классическая, неклассическая, неонеклассическая) наука);

f) интерес: ракурсы умственной утилизации реальности (фундаментальное – прикладное – отраслевое знание) (иную версию корреляции «познание – интерес» отрабатывает Хабермас [28]).

Войдем в подробности. Обсуждаемая здесь капитальная гносеологическая тема состоит в уяснении механизма познавательного морфогенеза. В качестве обоснованной платформы погружения в сюжет заявлялась мысль: в символическом познании спонтанно возникают не процессы, а результаты. Каким образом?

Гносеология как доктрина располагает версиями:

– бессознательное: мыслительные представления возникают не из ничего, а из незаметного влияния подсознательной сферы. Как указывает Лейбниц, «В нашем уме нет ничего, что уже не дремало бы в виде представлений в темной душе». Адресация к подпороговой стимуляции со схемой «перетекания из тени в свет, из глубин на авансцену» сильна в проведении принципа непрерывности психической жизни, но слаба в уточнении генеалогии: не проясняет источников концентрации мысли в бессознательном; правил группировки значимого вокруг сознательного «Я»;

– наивный реализм: плоская, скучная, безыдейная платформа зеркального отражения. Синдром Пигмалиона объясняет конечное благоговение по поводу произведенных достойных любви созданий, но не объясняет технику их порождения;

– кантианство: конструирование понятий по созерцанию [29, с. 500; 30, с. 96]. Положительный ход кантианства, не оставляя шансов идеологии «прямого перенесения», «запечатления» сознанием содержания мира, совершенно справедливо упирает на включенность мысли. Однако в выставлении созерцания рычагом продуктивности слишком риторичен. Представляется неоспоримым, что в данном важном пункте сцепки одного с другим попросту не существует. Присутствие отрешенного внутреннего обозрения предметной сферы не удостоверяется проверкой ни на каком уровне генеративной или опредмечивающей деятельности, и, следовательно, не представляет дальнего и сложного прошлого вновь образуемых понятий.

Традиционные гносеологические экспликации оставляют многое непонятным, необъясненным. Наш тезис: движущая сила мыследеятельности – конструктивное комбинирование. Обопремся на понятие «символическая причинность». Когнитивный морфогенез протекает как свободное сочетание символических форм, управляемое правилами мысленного экспериментирования над собственными ресурсами с самоприумножением, – наращиванием

духовной формации. Рычагом оказывается логика «смыслопорождение через смыслоразличение», запускающая автономные автокаталитические процессы. Духовные символические морфизмы – прямое следствие самонаведенного моделирования, – того, что именуется рисованием «воздушных замков» [31, с. 43], возведением построек без фундаментов.

Просматривается прямое соответствие художественному творчеству. С самых далеких рубежей искусство разделяет выразимое – невыразимое. Как у Жуковского:

*Что видимо очам – сей пламень облаков,
По небу тихому летящих.
Сие дрожанье вод блестящих,
Сии картины берегов
В пожаре пышного заката.
Сии столь яркие черты –
Легко их ловит мысль крылата,
И есть слова для их блестящей красоты.
Но то, что слито с сей блестящей красотой,
Сие столь смутное, волнующее нас,
Сей немлемый одной душою
Обворожающего глас,
Сие к далекому стремленье,
...
Какой для них язык?..
...
Все необъятное в единый вздох теснится,
И лишь молчание понятно говорит.*

«Невыразимое» – предмет «молитвы», выразимое – художественности. Нечто подобное – в науке. Разделяется допускающее лишь «негативное» определение непостижимое «бытие» – рационализируемое «сущее» (по Хайдеггеру) (без всякой гносеологической идиосинкразии). «Бытие» – предмет метафизики, «сущее» – науки. Как осваивается концептуализируемое сущее? Мифопоэтическим арсеналом автоморфичной символики (опять же без всякой гносеологической идиосинкразии). И здесь, и там (и повсеместно) утрируется ассоциативно-тропный порядок освоения предметности на собственной основе. Конкретно: порождающей структурой символической формации выступают изощренные мыследеятельные приемы – разбиение, сравнение, различение, сопоставление, пересечение, группировка, присоединение, отсоединение, перемещение, обращение, отстранение, компоновка, трансляция, транзикация, конвергенция, дивергенция, скрещивание, перевод, сведение, – те ферментные акты, которые налаживают комбинаторное развертывание возможностей. Секрет символической продуктивности – актуализация заложенной в предметность посессивности, – разгадываемый на пути уяснения потенцирования через мыследеятельное комбинирование.

Правила, порядки, зависимости координации и субординации собственной материи по собственным же законам коммутации, ассоциации, подстановки, переноса позволяют осуществлять продуктивные прогрессивные самодвижения вследствие «свободного» перебора мыслью заложенных в ситуацию возможностей вне корректирующего давления SR.

Демонстративен пример.

Введение «переменных», «функций» актуализирует выяснение их модельных «посесивных» соотношений – аппликация.

Функция осваивает объекты в качестве аргументов, значений; предметом осваиваемых функций могут служить и сами функции.

Из функций позволительно выстраивать объекты:

$f_{x_1x_2...x_n} = \mathcal{X}$ (где \mathcal{X} – построенный из функций по аппликации объект, называемый комбинатором). Существование комбинаторов – свободно допущенных символических объектов постулируется (по принципу свертывания).

Всякий комбинатор выражается через другие комбинаторы s, k – в символической записи

$Sxyz = xz(yz), kxy = x$ (где x, y, z – произвольные функции). Развертывается комбинаторика.

Комбинаторика специфицируется в комбинаторной логике (труды М. И. Шейнфинкеля, Г. Карри, А. Черча); комбинаторной топологии (изучение топологических свойств геометрических фигур посредством их разбиения на элементарные).

Символический предмет «полиэдр» символической волей символического ума расчленяется на символические «симплексы», – свидетельством чего это является? Свидетельством саморазвития – самопрогрессивной трансформации знания без обращения к SR, – исключительно за счет предметных разбиений (классификаций) по типам (категориям) и ассоциирования (упорядочений) типов благодаря символическим требованиям (как в поэзии).

Развитие через саморазвитие, усложнение через самоусложнение – закон символической автоморфичной драматургии. Детализация его подводит к картине:

1. Номинация. Введение символов: «радикал $\sqrt{\quad}$ » (от лат. radix – корень), обозначающий действие «извлечение корня», равно как «результат извлечения корня $\sqrt[n]{a}$ »; «дифференциал d » (от лат. differentia – разность), обозначающий производную, – содержащие потенцию символизации.

2. Сигнификация, символизация – исчисление символов (изучение функций в малом – дифференциальное исчисление).

3. Семантизация. Интенсивная тематизация, интерпретация, – содержательное развертывание символических исчислений. (Необходимость уточнения статуса понятий «бесконечно малая», «производная» – у Лейбница «дифференциал», как и «момент» у Ньютона фигурируют то как актуально бесконечно малые, то как конечно произвольные величины – стимулировала прорывы в общей теории функций, теории множеств, теории функций действительного переменного).

4. Версификация. Понятие «число» в его умственном символическом обслуживании дробится в череде семантических различий: натуральное, простое, составное, порядковое, количественное, целое, дробное, рациональное, иррациональное, действительное, отрицательное, положительное, комплексное, мнимое, финитное, трансфинитное, трансцендентное, вещественное, гипервещественное, р-адическое (возможны обобщения: теория чисел имплицитно теорию групп, колец, полей). Казалось бы, «элементарное», «сухое» число – и... головоломная символическая феерия.

5. Модельная проблематизация. Заинтересованный просмотр вариаций вследствие абстрактных постановок: чем обусловлено убывание относительной плотности простых чисел на единицу фиксированной площади, – в первой десятке их (4) – 40%; в сотне (25) – 25%; в тысяче (168) – 17%; в миллионе (78498) – 8%? Как часто простые числа встречаются в нату-

ральном ряду? Как далеко они отстают друг от друга? В качестве заметных мыслительных приращений – отработка правил получения последовательностей простых чисел – решето Эратосфена, алгоритм Евклида. Далее – более фундаментальные приращения – диофантовы уравнения, уравнение Пелля, проблема Ферма, обобщение Эйлера, круговой метод Харди–Литлвуда, метод тригонометрических сумм Виноградова, опирающиеся на фундаментальную теорию. Воистину трудно избавиться от ощущения, что символические формулы «мудрее, чем мы, мудрее, чем их первооткрыватели, что мы получаем из них больше, чем в них... первоначально заложено» (Герц).

6. Формальная систематизация. Композиционное упорядочение, архитектурная оптимизация: изложение свода геометрических идей генетически–конструктивным методом (Евклид) и аксиоматическим методом (Паш – Гильберт). Логика композиционных преобразований, обслуживающая меру общности утверждений, обрабатывается контекстуально. (Для опытных наук мера требуемой математической строгости вводится на «профессионально-логической», полуинтуитивной основе [23, с. 81]).

7. Содержательная систематизация. Интригует ситуация с сопряжением Эрлангенской (Клейн) и Геттингенской (Риман) программ трактовки геометрии как математики и физики. Некий их предварительный синтез на базе групп голономии пытался провести Картан. Между тем вопрос: почему объяснения фактов одинаково успешны в языке как одной, так и другой платформы, – до сих пор не снят. Скорее всего, наука имеет дело с некими интервалами реальности, хроногеометрия которых обусловлена стандартными взаимодействиями (например, электромагнетизмом). Перекрытие их пределов актуализирует картанову проблему – несоответствие локальных и глобальных свойств пространства–времени. (Проблема: сводима ли физика к геометрии (пока!?) не решена, в том числе по причине отсутствия опытного выявления «носителей» полей. Как указывает Гейзенберг, Эйнштейн «переоценил возможности геометрической точки зрения. Гранулярная структура материи является следствием квантовой теории, а не геометрии; квантовая же теория касается фундаментального свойства нашего описания природы, которое не содержалось в эйнштейновской геометризации силовых полей». Ясно, что геометрия обусловлена структурой материи, но как именно – не понятно).

8. Реификация. Приписывание существования ненаблюдаемым, эмпирически неидентифицируемым «кажимым» сущностям. Поэтизация языка науки – введение лексических тропов с их последующим овеществлением. Анализируя взаимодействие Земли и Луны как физических тел, в «*Astronomia nova*» Кеплер приходит к выводу: Луна упала бы на Землю, если бы одно и другое тело «не удерживались на своем пути жизненной силой (?! – В. И.), или какой-нибудь другой, эквивалентной ей». *Velis-nolis* Кеплер постулировал стихию («жизненная сила», «тяготение» и т.д.); логика спецификации ее (стихии) природы влечет следующий характерный акт: гипостазис предиката, – вводится квант гравитационного поля с нулевой массой покоя (?!), нулевым электрическим зарядом (?!), спином 2 (?!). В доктрине получает пропуску гипотетическая (мифопоэтическая) полученная на «кончике пера» сущность – гравитон.

9. Реорганизация смысла. Через семантическую нюансировку символические подводки облачаются в точные выразительные формы. Традиционная логика не различает выражения $\exists xA(x)$ (1) и $\sim\sim \exists xA(x)$ (2).

Конструктивная логика различает (1) и (2), полагая, будто (2) слабее (1). В конструктивистской интерпретации утверждения типа $\forall x\exists yA(x, y)$ считаются осмысленными, если ука-

зывается алгорифм β , применимый ко всем x – такой, что всегда справедливо $A(x\beta(x))$. Как видно, осмысленность утверждения – в задании алгорифма. Вопрос о приложимости некоторого алгорифма к объекту x решается на основании принципа Маркова [32, с. 146–147], конституирующего, что если опровергнуто утверждение о неприменимости алгорифма к некоторому исходному данному x , то он применим к x , т.е. $\sim\sim\beta(x) \rightarrow \beta(x)$ (своеобразный принцип от противного [22, с. 34]).

10. Мысленный эксперимент. Символическая версификация посредством семантической имитации. Разработка путем не показа, а понятийного анализа. В античности различали влекущую и сдерживающую (ограничивающую) силу – катексис и антикатексис. Мысленный эксперимент – сорт катексиса, налаживаемого в границах мотивационного условия – достижение умственного удовлетворения. Ньютон знал закон качания маятника, справедливый при равенстве инертной и тяжелой масс. Бессель показал это с точностью $6 \cdot 10^{-4}$, Этвеш подтвердил, что все тела имеют одинаковое « g » с точностью до $5 \cdot 10^{-8}$. Эйнштейн представил эквивалентность двух масс постулатом в ОТО на основании модельного рассмотрения с движущимся лифтом. (В лифте мы давим на дно вследствие притяжения Земли; если его нет, нет и давления. Но если лифт движется ускоренно вверх, тела давят так же, как если бы было притяжение Земли – локальная неразличимость сил тяготения и сил инерции возникает при ускорении системы отчета).

Мы подошли к пункту перевода феноменологии в квалифицирующие обобщения.

Ставшая наука (упрочившееся знание) организуется по методу. Метод – логически систематизирующая основа мысли – единственный путь к истине. Однако же нет проторенного методического пути к новой истине (ввиду невозможности «логики открытия»). Дефицит методического оснащения мыследеятельности здесь покрывают продуктивные автокаталитические процессы. Как мы пытаемся показать, источник символического знания – не грубая руда фантазии (точнее, не только или – не столько она), а самозаконность структурообразующей импровизации с пластичными, комбинаторными приемами ассоциации, коммутации, подстановки, переноса и т.п. Развитие размышляющей мысли коренится в «ее собственной внутренней связи» (Энгельс).

Апология деятельного сознания, – узнаваемый гносеологический мотив, находимый в текстах адептов имманентной школы. Не выглядит ли анахронизмом отдавать дань давно раскритикованной линии, где пестуемый вымысел вытесняет реальность? Отнюдь не праздный вопрос возвращает к оценке трансцендентализма.

Корневой порок последнего – превосходящая грань здравомыслия отрешенная беспредметная спекуляция, имеющая контрарные воплощения.

Метод Луллия – «чистое» исчисление знаков – всеобщий способ порождения «формы знания», который уже Декарт расценивал как искусство «бестолково рассуждать о том, чего не знаешь, вместо того, чтобы изучать это» [33, с. 271].

Метод Гегеля – «чистая» категорология – всеобщий способ выстраивания безответственной, беспредметной логомахии. Диалектика Гегеля «завязана» на понятие, представленное словом. С учетом этого, вероятно, не будет преувеличением полагать, что гегелевский метод есть во многом «лингвистический» метод (сравните с луллиевским подходом), тем более, что такому толкованию способствует принятие в расчет благодатной почвы немецкого языка, располагающего тонкой системой видоразличающих префиксов, предлогов, позволяющих «переливать» слова в слова с дополнительным смысловым нюансированием. Под-

черкивая данную особенность творческой манеры Гегеля, один из персонажей Брехта проводил «Науку логики» по ведомству... юмористической литературы. «Речь там идет, – разъяснял он, – об образе жизни понятий, об этих двусмысленных, неустойчивых, безответственных существах; они вечно друг с другом бранятся и всегда на ножах, а вечером, как ни в чем не бывало, садятся ужинать за один стол... Понятия, которые люди себе составляют, очень важны. Понятия – это рычаги, которыми можно приводить в движение вещи. В книге говорится о том, как добираться до истинных причин протекающих процессов. Иронию, скрытую в каждой вещи, он (Гегель – В. И.) и называет диалектикой. Как и все великие юмористы, он это преподносит с убийственно серьезным лицом» [34, с. 61–62].

Издержки имманентного конструирования действительности слишком очевидны, чтобы на них останавливаться. Действительность в модусе «идея и через идею» как предметное содержание мысли – вызывающе претенциозная пародия на реальное познавательное освоение действительности, в профессиональном сообществе рассматривается как дерзкая неправомерная авантюра. Стремление поставить под жесткий контроль алхимию идеологии (трансмутация символических форм, склонных к автономным самопреобразованиям, «самоперетеканиям», – простейший случай – внутренняя трансформация конических сечений; связь планиметрических и стереометрических определений в шарах Данделена и т.д.) отличает агрессивные программы

– Дирихле: идеи заменить вычислениями [35, с. 259];

– позитивизма: идеи заменить протокольными предложениями (вплоть до радикальной элиминации Т-терминов);

– операционализма: идеи заменить процедурами.

Хотя несостоятельность данных и любых сходных с ними программ всесторонне выявлена в гносеологии, известная их живучесть вполне объяснима: укротить мечту с претензиями на права обязательности, стреножить всемерно зашкаливаемую условность. Речь идет о борьбе с пустопорожней диалектикой «чистой» формы (Луллий) и «чистого» содержания (Гегель), которую еще Кант называл «логикой видимости».

Говоря обобщенно, человек символический *ex vi termini* методом «плетения словес» сооружает здание (вернее – «воздушные замки») без каких-либо гарантий благонадежности. В случае искусства «полюс идеи» и «полюс реальности» могут расходиться; Стендаль имел право высказывать: меня поймут через сто лет. В случае науки «полюс идеи» и «полюс реальности» должны сходиться, – знание в отличие от незнания (погрязающем в фантазмагориях, фикциях) ищет и находит истину «независимо от того, кто и что себе при этом представляет» [36, с. 259]. В очередной раз, таким образом, требует подчеркивания: подлинное знание есть симбиоз SR и SF, недооценка чего ведет в тупики фикционализма.

О решающей роли SR в корпусе знания – речь ниже. Здесь же отметим непреходящую роль SF, борьба с которой (позитивизм, операционализм) для нас равносильна борьбе с самозаявлением *Homo Symbolicum*. Применительно к нашей теме движение в сюжете «сущность SF» наводит на необходимость констатации двух генеральных обстоятельств:

1. SF имманентно продуктивны. Креативный механизм смыслообразования и смыслопорождения, запускаемый символическими автокаталитическими реакциями, основателен в части выстраивания картины когитального морфогенеза: идеи порождают идеи вследствие автоморфизма – внутренних линейных (дробно-линейных) преобразований (в том числе обобщенных, отображений, сдвигов, движений) собственных элементов (групп, пространств, полей).

2. SF имманентно социальны. Формирование истины в знании не имеет адекватной экспликации в терминах ни трансцендентализма, ни наивного реализма, ни конвенционализма, – не проходят традиционно заявляемые линии «конструируемости», «зеркальности», «условленности». В первом и третьем случаях переоцениваются формы мышления. Во втором случае они недооцениваются. Нельзя лишать знания предмета, но совпадение знания с предметом нельзя осмысливать лишь в плоскости «содержание». Коль скоро дело обстоит именно так, требуется осмысливать предмет в формах мышления, в его представленности в символическом знании. «При оценке отношения «предмет–знание», – отмечает М. К. Мамардашвили, – необходимо учитывать, что в предмете есть особое общественной историей науки закрепляемое содержание деятельности мысли, которое функционирует и разрабатывается внутри самой науки, и именно оно, а не безразличный к деятельности объект пассивного восприятия, направляет строй мысли в процессах получения нового знания» [37, с. 21–22]. Вследствие этого изучение форм мышления Энгельс расценивал как «благодарную и необходимую задачу» [38, с. 555]. Поскольку в компетенцию познания входит освоить мир, а мир в познавательной ситуации не может быть дан и освоен иначе, как в формах мышления, диалектика постижения мира оказывается содержанием социальной эпистемологии, раскрывающей законы символической продуктивности в их социальной (культурно-исторической) выраженности.

На уровне восприятия имеет место социальное опосредование в виде апперцепирования «словом». Людям, – высказывает Валери, – свойственно воспринимать скорее «посредством слов, нежели с помощью сетчатки» [39, с. 39]. С развертыванием таксономизации, типологизации, гипонимизации. В томизме в теории чувственности вводится специальный орган *sensus communis*, отвечающий за координацию разобщенных ощущений. С позиций развиваемых идей подобный ход доктринально избыточен; – консолидацию чувственности проводит так называемая стереотипизация – способ мыследеятельности, позволяющий через вербализацию обобщенно включать текущие ментальные операции в общечеловеческий опыт.

На уровне представления имеет место апперцепирование для научных теорий. «Материальная точка, – указывает Эйнштейн, – есть единственный способ нашего представления реальности, поскольку реальное способно к изменению.» [12, с. 136]. На уровне логической систематизации имеет место апперцепция на основе самоорганизации – отношения включения, исключения, пересечения, дополнения, тождества. На уровне мышления имеет место апперцепирование когнитивными картами – динамическими образами с выраженными мыследеятельностными (поведенческими) стратегиями. «Масса» Ньютона – постоянна, сохраняется; «масса» – Эйнштейна изменчива, преобразуема ($E = mc^2$).

На всех уровнях самозаявления символического просматривается творческое приписывание признаков (в логической, предметной, выразительной систематизации), в чем без труда распознается инициативное социально инспирированное образное мирозидание.

В последней мысли выделим «социальное» и «образное». Несмотря на, казалось бы, внешнюю несвязность, две эти инстанции органично сущностно связаны. Следует иметь полную ясность в главном. Парадоксальность образа заключается в том, что он формирует характеристики в терминах состояний не субстрата (мозга), а свойств объекта. Как это возможно? Это возможно при четком различении функционального назначения соматического и социального. Первое – физиологическая, второе – духовная предпосылка ментального. Духовное не исчерпывается физиологическим; оно им фундируется и над ним надстраивается.

«Надстраивание» протекает как многотактный процесс второсигнального деятельностного опосредствования, где люди «так или иначе работают друг на друга» [40, с. 81].

Со стороны своей формы образы имеют индивидуальную рецепторную природу. Со стороны своего содержания образы имеют материально-социальную природу. Материальная компонента образности конституируется SR («чувства не обманывают!») – адаптивность чувственности есть дериват ее высокой эволюционной адаптивности. Причины перцептивных ошибок – они все-таки есть! – относительная центрация внимания на детали, влекущая переоценку частных, плюс семантизация – концептуальная включенность, доктринальная ангажированность). Социальная компонента образа конституируется SF – социокультурным тезаурусом. SR позволяет образу «говорить языком самого предмета, выражать своеобразие его сущности» [41, с. 7]. SF – позволяют образу говорить языком соответственной ментальной культуры (с набором семантических диспозиций, когний), выразить своеобразие ее сущности.

Недаром истина в мифологии предстает дочерью правосудия и времени – держит в руках зеркало и не краснеет; искусство (ухищрение) ей не свойственно [42, с. 203]. «Правосудность» истины – от SR; темпоральность истины – от SF, опосредствующих демонстрацию ее:

– субстанциально (эссенциальные схемы предметности): «Талантливый историк, – замечает Гегель ...имеет перед собой в живом созерцании целое подлежащих его описанию... событий; напротив, тот, кто не имеет таланта к изображению истории, задерживается на частностях и за ними упускает из виду субстанциальное» [43, с. 251];

– традиционно (феноменальные схемы предметности): «чем являются наши естественные принципы как не принципами, к которым мы привыкли, – восклицает Паскаль... – Другие привычки, традиции давали бы и другие естественные принципы» [44, с. 305];

– ситуационно (конъюнктурные схемы предметности); мода – обнаруживаемая в совокупностях, статистических рядах величина появления признака – оживление «носологической» (разбор гоголевского «Носа») проблематики в отечественном литературоведении начала 20-х гг. XX в. (В подспудье чередование ментальных стилем – архитектура, музыкальная композиция, экономика и т.д. – подчиняется количественным соотношениям в объективной циклике и ритмике сущего, – соотношениям, которые ввиду неразвитости фундаментальной ритмодинамики, социальной фенологии остаются (пока?!) тайной за семью печатями).

В общем, не будет преувеличением утверждать, что многообразные социальные опосредствования истины реализуются через язык – синтактико-семантическое апперцепирование, проявляющееся в типологизировании событий, включении их в каузальную картину, обобщении (мыслительная реконструкция связи особенного с единичным, особенного с общим, общего с единичным), абстрагировании (удержание мыслью реальных отношений предметности в виде особенности). На подмостки театра мысли (и мудрости) человек выходит через язык, что давно и прочно зафиксировано в метасознании. Сошлемся лишь на Дюркгейма: мыслить – означает подводить индивидуальное под социальное [45, р. 627]; и Барта: «...язык несет с собой эвфорию, ибо это язык непосредственно общественный» [46].

Тематизируя «социальность» в контексте «образности», мы разумеем не объекты, не ценности, не идеи, – но сам механизм порождения когнитивных продуктов посредством активизации синтактико-семантических схем мысли от номинации, вербализации до предикации, денотации, категоризации, реификации, – всего объема институализации персонального познавательного достояния путем интеграции его в общечеловеческое культурное богатство.

С языковой фазы интеллектуальный процесс превосходит пределы индивидуального опыта: через индивида заявляет полномочия род с палитрой смысловых, коммуникативных ресурсов. Не будучи связано напрямую, одно с другим связано косвенно: человек становится человеком, становясь существом символическим. Символическая социализация – исключительно и всесторонне она является нашим человеческим «всем». Перефразируя место Евангелия от Фомы, допустимо высказаться так: символическая социализация для человека есть все; все из нее выходит и все к ней возвращается. Точка старта – точка солидарности; индивидуальное (уникальное) «Я» в социализации обретает когнитивную толерантность – эксплуатирует структуры, «общие для меня и других людей» [45, р. 619]. Точка финиша – точка реципрокности (взаимообмена), когда индивидуальное (уникальное) «Я» в социализации эксплуатирует общезначимые когнитивные структуры.

«Каковы те элементы и законы, на которых основывается... объективная обязательность реального познания» [47, с. 172], – интересовался Гуссерль. Отвечая односложно, правильно указать на консолидированные в фации приемы символического зодчества действительности с богатым арсеналом идейной версификации.

В научном познании, как в поэзии, задействуется открытое множество аксессуаров самопреобразовательного ассоциативного сознания, играющего роль индикатора формообразования. Разумеются инструменты внутренних семантических преобразований, нацеленных на параморфную экспозицию действительности. Отталкиваясь от сказанного, сопоставим науку и поэзию.

В поэзии способом приращения выразительно-смыслового потенциала выступают

- метафора – уподобление;
- сравнение – нащупывание подобия;
- синекдоха – соподраживание, совключение;
- метонимия – выставление одного через другое, где оно заключено отчасти;
- эпитет – смысловой перенос, наделение предметности броскими признаками.

Данный «джентльменский» набор, подрывая закон тождества, видоспецифицирует статус утверждаемого. Базовым уровнем ассоциативности (с примыкающей гиперболизацией, парабололизацией) является мифологический параллелизм, эксплуатирующая суггестивный эффект dhvani архаичная кумуляция.

В знании аналогичные продуктивные роли играют параморфические выставления одного под фирмой другого (S через S'), – вышеупомянутые лексико-семантические разворачивания типа тематизации, версификации, систематизации, имитирования, моделирования, проблематизации, вариации и т.п. Самонаведение через саморазличение в поэзии и науке – источник образно-идейного многообразия. Предковый пласт поэзии – вербальная кумуляция – делает ставку на эвфонию, проистекающую из нее фоносемантику (синтез звука и смысла). Предковый пласт науки – ментальная кумуляция – делает ставку на дискурсию, проистекающую из нее эйдетику – эйдетическую семантику (синтез смысла со смыслом).

Важно уяснить отсутствие каких бы то ни было различий в деятельности Homo Symbolicum, ориентирующего продуктивные процессы (преобразования) на отражение свойств действий. При заданных системах отсчета (надо признать: они различны – поэзия утрирует «чувство жизни», наука – «чувство реальности») человек художественный и человек познающий действуют однотипно: созидают «возможные миры» в опоре на тропные (видоразличающие) преобразования. Возможно, алгеброй поверяя гармонию, моделировать экзи-

стенциальную коллизию – пикировка характеров (Моцарт – Сальери). Возможно, гармонией поверяя алгебру, трансформировать внутренний строй теории (систему операций), получая ментальную версификацию: алгебра – алгебра Буля – алгебра Грассмана – алгебра Клиффорда – алгебра Ли – алгебра Йордана...

Закон ассоциативной (семантической) причинности позволяет заходить столь далеко, сколь желательно. Даже в самых «выверенных», «научно обоснованных» случаях, как скажем, в теории социализма, где в полном небрежении SR усилиями символических экзерциций ad hoc вводили промежуточные фазы, этапы, получая «объективные» (на деле тропные) стадии – «реальный», «зрелый», «цельный» социализм.

«Чистая» поэзия в «чистой» теории. (Хороша адресация и к теории элементарных частиц, где комплексную структуру адронов выражают метафорическими атрибутами («цвет», «запах», «шарм», «аромат») кварков).

Сказанное, как кажется, проливает яркий свет на образ действия человека символического, заявляющего себя креативно универсально.

Действительно: загадка креативности («темные» учения о фантазии, интуиции, озарении, бессознательном), представляющая камень преткновения гносеологии, имеет относительно «простую» разгадку, заключающуюся в апелляции к символическому автоморфизму. Последний доподлинно выступает объединительной платформой духовного творчества. Правда, духовного творчества «в целом».

Коль скоро нервом гносеологии пребывает проблема демаркации, следует наметить водораздел, отделяющий типы действия субъектов науки и вненаучных форм знания. В наиболее близкой нам редакции проблема демаркации осознается как проблема вывода за пределы науки вовлекающего в псевдологию пустопорожнего фантазмагорического сочинительства. В поэзии, как утверждалось ранее [7], в таких случаях обращаются к высоте, глубине, основательности беллетристического («химерического») идеала. В науке в аналогичных ситуациях обращаются к витиеватому механизму отсева химер, сводимому к приемам «исключения» массива абстракций в ходе экспликации когнитивных конструкций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А. Ф. Художественные каноны как проблемы стиля // *Вопросы эстетики*. Вып. 6. М., 1964.
2. Тертуллиан К. С. Ф. *О прескрипции [против] еретиков* // Избр. Сочинения. М., 1994. С. 109.
3. Хайдеггер М. Время картины мира // *Современные концепции культурного кризиса на Западе*. М., 1976. С. 222–223.
4. Сеченов И. М. *Собр. Сочинения*. М., 1952. Т. 1. С. 365–366.
5. Heidegger M. *Holzwege*. Frankfurt am Main, 1963. S. 72–73.
6. Jung C. G. *Zur Psychologie des Kind-Archetypus* // *Einführung in das Wesen der Mythologie*. 4 rev. Aufl. Zürich, 1951.
7. Ильин В. В. *Теория познания. Символика. Теория символических форм*. М.: Изд-во Московского университета, 2013. 384 с.
8. Granet M. *La Pensee Chinoise*. Paris, 1925.
9. Bougle C. *The Evolution of values*. New York, 1926.
10. Маркс К. *Капитал*. Т. I. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Т. 23.
11. Jung C. G. *The Collected Works*. Vol. 9. Pt. 1. Pp. 48.
12. Эйнштейн А. *Собр. научных трудов*. Т. IV.
13. Потебня А. А. *Мысль и язык*. Харьков, 1892. С. 73.
14. Макиавелли Н. *Размышления над первой декадой Тита Ливия*. Минск, 1999.
15. Lasswitz H. *Geschichte der Atomistik*. Bd. I. S. 29.

16. Михник А. История политики. Российский вариант // *Родина*. 2006. №6. С. 10.
17. Кроче Б. *Исторический материализм и марксистская экономия*. СПб., 1902. 324 с.
18. Крылов А. Н. *Собрание научных трудов*. Т. VII. М. – Л., 1936. С. 502.
19. Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. *Фейнмановские лекции по физике*. Кинетика. Теплота. Звук. Т. 4. С. 242.
20. Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках // *Проблемы современной математики*. М., 2001. С. 22–33.
21. *Философские проблемы теории тяготения Эйнштейна и релятивистской космологии*. Киев, 1961. С. 92.
22. Кушнер Б. А. *Лекции по конструктивному математическому анализу*. М., 1973. С. 36.
23. Мандельштам Л. И. *Полн. собр. трудов*. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР. 1950.
24. Кемпбелл Д. *Мифический образ*. М.: АСТ, 2002. 683 с.
25. Уилер Д. *Предвидение Эйнштейна*. М.: Мир, 1970. 112 с.
26. Тулов М. *Обозрение лингвистических категорий*. Киев, 1861. 112 с.
27. *Семиотика и искусствоведение*. М.: Мир, 1972. 366 с.
28. Habermas J. *Technik und wissenschaft als «Ideologie»*. Frankfurt am Main, 1968.
29. Кант И. *Критика чистого разума*. Сочинения. в 6 т. Т. 3. М.: Мысль, 1964. 630 с.
30. Кант И. *Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей проявиться как наука*. Сочинения. в 6 т. Т. 4(1). М.: Мысль, 1965. С. 67–209.
31. Маркс К. *Тезисы о Фейербахе* // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3. С. 1–4.
32. Марков А. А. *Об одном принципе конструктивной математической логики*. Труды 3 Всероссийского математического съезда. Т. 2. М., 1956.
33. Декарт Р. *Рассуждение о методе*. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
34. Брехт Б. *Сочинения*. Т. 4. М., 1969.
35. Бурбаки Н. *Очерки по истории математики*. М., 1963.
36. Russell B. Reply to Criticism // *The Philosophy of B. Russell*. Chicago, 1944. Pp. 223.
37. Мамардашвили М. К. *Формы и содержание мышления*. М., 1968.
38. Маркс К., Энгельс Ф. *Диалектика природы*. Сочинения. Т. 20.
39. Валери П. *Об искусстве*. М., 1976.
40. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 23.
41. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 1.
42. *Мифология на русском и французском языке*. М., 1820.
43. Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*. Т. III. М. – Л.
44. Паскаль Б. *Мысли*. М., 1974.
45. Durkheim E. *Les formes e'lementaires de la vie religieuse*. Pp., 1912.
46. Barthes R. *Le degre zero de l'ecriture*. Pp., 1971. p. 45.
47. Гуссерль Э. *Логические исследования*. СПб., 1909.

Поступила в редакцию 24.10.2013 г.

SYMBOLIC CONSTRUCTION OF REALITY: SCENOGRAPHY OF THE WORLD

© V. V. Ilin

Bauman Moscow State Technical University

5 Bauman str., 105005, Moscow, Russia.

Phone: +7 (499) 263 63 91.

E-mail: vvilin@yandex.ru

The author draws attention to gnoseologically not enough investigated phenomenon of automorphism thinking. In the widely known works of F. Varela, and U. Maturana automorphism is associated mainly with the study of the adaptation of biological organisms. It appears, however, that the possibilities of this approach are more significant. The author believes that the driving force of thinking activity is the constructive combination. Cognitive morphogenesis processes as a free combination of symbolic forms, managed by rules of mental experimentation over one's own resources, resulting in the development of the spiritual world of a person. The "generation of meanings through distinction of meanings" logic is a lever that starts independent-functioning automatic processes. Such a spiritual auto-modelling generates symbolic morphisms – what is referred to as drawing "castles in the air", creating constructions without basement. The author comes to the conclusion that in scientific knowledge, as in poetry, all abilities of associative consciousness on the basis of auto-modelling mechanism are involved and they serve as indicators for creation of form. In this process tools of internal semantic transformations aimed at paramorph exposure of reality are applied.

Keywords: *epistemology, thought automorphism F. Varela, U. Maturana, constructive combining, cognitive morphogenesis, the spiritual world of the individual, generation of meanings, distinction of meanings, symbolic morphisms, auto-modelling mechanism, paramorph exposure of reality.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilin V. V. Symbolic Construction of Reality: Scenography of the World // *Liberal Arts in Russia*. 2013. Vol. 2. No. 6. Pp. 531–551.

REFERENCES

1. Losev A. F. *Voprosy estetiki*. No. 6. Moscow, 1964. [In Russian].
2. Tertullianus Q. S. F. *Izbr. Sochineniya*. Moscow, 1994. Pp. 109. [In Russian].
3. Heidegger M. *Sovremennye kontseptsii kul'turnogo krizisa na Zapade*. Moscow, 1976. Pp. 222–223. [In Russian].
4. Sechenov I. M. *Sobr. Sochineniya [Collection of Works]*. Moscow, 1952. Vol. 1. Pp. 365–366. [In Russian].
5. Heidegger M. *Holzwege*. Frankfurt am Main, 1963. Pp. 72–73.
6. Jung C. G. *Einführung in das Wesen der Mythologie*. 4 rev. Aufl. Zürich, 1951.
7. Ilin V. V. *Teoriya poznaniya. Simvologiya. Teoriya simvolicheskikh form [Theory of Knowledge. Symbology. The Theory of Symbolic Forms]*. Moscow: izd-vo Moskovskogo univer-siteta, 2013. 384 pp. [In Russian].
8. Granet M. *La Pensee Chinoise*. Paris, 1925.
9. Bouglé C. *The Evolution of values*. New York, 1926.
10. Marx K. *Das Kapital*. T. I. (K. Marx, F. Engels. *Sochineniya*. Vol. 23). [In Russian].
11. Jung C. G. *The Collected Works*. Vol. 9. Pt. 1. Pp. 48.
12. Einstein A. *Sobr. nauchnykh trudov [Collection of Scientific Works]*. T. IV. [In Russian].
13. Potebnya A. A. *Mysl' i yazyk [Thought and Language]*. Kharkov, 1892. Pp. 73. [In Russian].

14. Machiavelli N. Razmyshleniya nad pervoi dekadoi Tita Liviya [Discourses on the First Ten Books of Titus Livius]. Minsk, **1999**. [In Russian].
15. Lasswitz H. *Geschichte der Atomistik*. Bd. I. Pp. 29.
16. Michnik A. // *Rodina*. **2006**. No. 6. Pp. 10.
17. Croce B. *Istoricheskii materializm i marksistskaya ekonomiya* [Historical Materialism and Marxist economy]. Saint Petersburg, **1902**. 324 pp. [In Russian].
18. Krylov A. N. *Sobranie nauchnykh trudov*. T. VII. Leningrad, **1936**. Pp. 502.
19. Feynman R., Leighton R., Sands M. *Feinmanovskie leksii po fizike. Kinetika. Teplota. Zvuk* [Feynman Lectures on Physics. Kinetics. Heat. Sound]. Vol. 4. Pp. 242. [In Russian].
20. Wigner J. *Problemy sovremennoi matematiki*. Moscow, **2001**. Pp. 22–33. [In Russian].
21. *Filosofskie problemy teorii tyagoteniya Einsteina i relyativistskoi kosmologii* [Philosophical Problems of Einstein's Gravitational Theory and Relativistic Cosmology]. Kiev, **1961**. Pp. 92. [In Russian].
22. Kushner B. A. *Leksii po konstruktivnomu matematicheskomu analizu* [Lectures on Constructive Mathematical Analysis]. Moscow, **1973**. Pp. 36. [In Russian].
23. Mandelstam L. I. *Poln. sobr.trudov* [Complete Works]. T. IV. Moscow: Izd-vo AN SSSPp. **1950**. [In Russian].
24. Campbell D. *Mificheskii obraz* [Mythical Image]. Moscow: AST, **2002**. 683 pp. [In Russian].
25. Wheeler J. A. *Predvidenie Einsteina* [Einstein Foresight]. Moscow: Mir, **1970**. 112 pp. [In Russian].
26. Tulov M. *Obozrenie lingvisticheskikh kategorii* [Review of Linguistic Categories]. Kiev, **1861**. 112 pp. [In Russian].
27. *Semiotika i iskusstvometriya* [Semiotics and Artmetry]. Moscow: Mir, **1972**. 366 pp. [In Russian].
28. Habermas J. *Technik und wissenschaft als «Ideologie»*. Frankfurt am Main, **1968**.
29. Kant I. *Kritika chistogo razuma. Sochineniya* [Critique of Pure Reason. Works]. v 6 t. Vol. 3. Moscow: Mysl', **1964**. 630 pp. [In Russian].
30. Kant I. *Prolegomeny ko vsyakoi budushchei metafizike, mogushchei proyavit'sya kak nauka. Sochineniya* [Prolegomena to Any Future Metaphysics That Will Be Able to Present Itself as a Science. Works]. v 6 t. Vol. 4(1). Moscow: Mysl', **1965**. Pp. 67–209. [In Russian].
31. Marx K., Engels F. *Sochineniya*. Vol. 3. Pp. 1–4. [In Russian].
32. Markov A. A. *Ob odnom printsipe konstruktivnoi matematicheskoi logiki. Trudy 3 Vserossiiskogo matematicheskogo saezda* [On the Principle of Constructive Mathematical Logic. Works of 3rd All-Russian Mathematics Congress]. Vol. 2. Moscow, **1956**. [In Russian].
33. Descartes R. *Rassuzhdenie o metode. Sochineniya v 2 t.* [Discourse on Method. Works in 2 Vols]. Vol. 1. Moscow: Mysl', **1989**. [In Russian].
34. Brecht B. *Sochineniya* [Works]. Vol. 4. Moscow, **1969**. [In Russian].
35. Bourbaki N. *Ocherki po istorii matematiki* [Essays on the History of Mathematics]. Moscow, **1963**. [In Russian].
36. Russell B. *The Philosophy of B. Russell*. Chicago, **1944**. Pp. 223.
37. Mamardashvili M. K. *Formy i sodержanie myshleniya* [Form and Content of Thought]. Moscow, **1968**. [In Russian].
38. Marx K., Engels F. *Dialektika prirody. Sochineniya* [Natural Dialectics. Works]. Vol. 20. [In Russian].
39. Valéry P. *Ob iskusstve* [On Art]. Moscow, **1976**. [In Russian].
40. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 23. [In Russian].
41. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 1. [In Russian].
42. *Mifologiya na rossiiskom i frantsuzskom yazyke* [Mythology in Russian and French]. Moscow, **1820**. [In Russian].
43. Hegel G. W. F. *Sochineniya* [Works]. T. III. Moscow. [In Russian].
44. Pascal B. *Mysli* [Thoughts]. Moscow, **1974**. [In Russian].
45. Durkheim E. *Les formes e'lementaires de la vie religieuse*. Pp., **1912**.
46. Barthes R. *Le degre zero de l'écriture*. Pp., **1971**. p. 45.
47. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya* [Logical Investigations]. Saint Petersburg, **1909**. [In Russian].

Received 24.10.2013.